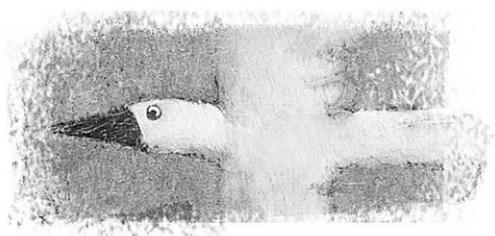

Тинатин Мжаванадзе

САМОЛЁТ УЛЕТИТ БЕЗ МЕНЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
М56

Серия «Люди, которые всегда со мной»
В оформлении обложки использована работа
Александра Заварина
Дизайн обложки *Юлии Межовой*

Мжаванадзе, Тинатин
М56 Самолет улетит без меня / Тинатин Мжаванадзе. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 349, [1] с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-145578-1

В обыкновенной жизни порой случаются поворотные моменты, которые выбивают человека из седла, повергают его в отчаяние и заставляют измениться — вдруг проявляются дремавшие до этого момента свойства: один, казавшийся сильным и грозным, покоряется судьбе и сдается, другой — беззаботный и легкомысленный — неожиданно обнаруживает стальной характер, третий, тот, кто был самым верным другом, предает любимых, четвертый же, наоборот, протягивает руку помощи врагу.

Все истории, рассказанные в этой книге, — о людях в поисках счастья.

Иногда приходится проделать немислимо сложный путь, запутаться и заблудиться, потерять веру в себя, но все же выбраться к желанному берегу благодаря надежде.

© Тинатин Мжаванадзе, текст, 2015
© Александр Заварин, иллюстрация на обложке, 2015
© Юлия Межова, иллюстрации, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Самолет улетит без меня

Сидя за столиком кофейни морвокзала, Лика смотрела во все глаза на своего обожаемого Генриха и поминутно смеялась над чем-нибудь совершенно пустяковым, просто от переизбытка радости.

Все было как в лучшие времена: море тыкалось лбом в изъеденные, поросшие водорослями пузырчатые камни набережной, в утреннем нагретом воздухе крепко пахло йодом, рыбаки стояли в ряд, молча сторожа удочки, чайки покрикивали друга на друга, доводя гуляющих малышей до восторженного писка драками за подброшенные в воздух кусочки хлеба.

Солнце просунуло руки сквозь решетку, расчертив плиты полосками цвета пиратского золота, и остальная жизнь задвинулась в дальний чулан — век бы так сидеть, зависнув посреди счастья.

Словно ничего не поменялось в окружающем мире — не рушились страны, не сдвигались границы, люди не скатывались на дно и не становились в один миг нищими. Не опустели пляжи

курортного города, не заржавели солнечные зонты, и ветер не треплет в лохмотья их линялый брезент.

Можно было притвориться, что впереди — безмятежное, заранее решенное будущее, можно было верить, что их родной городок — лучшее место на планете.

Они, как прежде, генерировали вдвоем бредовые идеи, еще со времен совместного просиживания на уроках физики. Вытащив из сумки блокнот и карандаш, Лика стала набрасывать недавно придуманный «Список отличий жителей городка Б.».

— Что первое в голову придет, — она воинственно вздернула карандаш.

— Кофе! — хором сказали оба и засмеялись.

У вас непременно есть в доме кофейные зерна, специальная сковорода для жарки кофейных зерен, кофемолка, джезва и чашки — даже если вы ненавидите кофе. Если у вас не будет кофе, к вам перестанут ходить гости.

— А помнишь градации кофепития в гостях? Буйрум-кофе — добро пожаловать, дорогие гости, мусафир-кофе — под сплетни, и под конец — айде-кофе, на прощание!

— Уникальные традиции, — ухмыльнулся Генрих, — сейчас иногда и вместо обеда кофе подают, а если гость не понимает, что пора сваливать, — сиктур-кофе!

— Это от бедности, — предположила Лика. — Раньше что ни день застолья закатывали, а сей-

час — сидят, боятся, чтобы гости не обожрали. И не хамя мне тут! Как было тринадцать лет, так и осталось. Что еще скажешь? Наобум.

Каждая девочка в этом городе ходила в музыкальную школу.

— Везет девочкам, — вздохнул Генрих. — Я вот тоже хотел на музыку, но меня не отдали, потому что я не девочка.

— У тебя просто слуха нет, — меланхолично возразила Лика, — а то некоторые мальчики тоже ходили. Ты бы проклял родителей, уж поверь мне. Давай дальше!

Генрих смотрел так, как умел только он, — наверное, так смотрит мастер-стеклодув на расплавленную заготовку на трубочке: вот она уже мягкая, как жвачка, и верти из нее что хочешь — хоть фужер, хоть лампочку. Он подбрасывал скабрзные идеи для списка и наслаждался Ликиным смущением.

Она отклоняла их или преобразовывала во что-то приличное.

Вы умеете играть в карточную игру «Джокер».

— Хотя-я-я-я... сомнительно. Думаешь, больше нигде в «Джокер» не играют? — задумался Генрих.

— Покер, джокер, преферанс. Это все равно только про мальчиков. Я вот не умею, — Лика старательно дописала в блокнот.

У вас есть фотография с обезьянкой, снятая на фоне бамбуковой рощи.

И собственное бамбуковое дерево с вырезанным перочинным ножиком именем.

— Точно! — хором воскликнули они и засмеялись.

— Ты чье имя вырезал? — спросила Лика.

— Свое, конечно. А ты?

— И я свое, — усмехнулась она и опустила глаза в блокнот.

Выйдя из дома, вы как минимум три раза с кем-нибудь поздороваетесь и как минимум два раза остановитесь поболтать.

Все было так идеально, как не могло быть никогда, разве что во сне, и Лика терпеливо ждала, что же он у нее попросит. Невозможно, чтобы Генрих просто так позвал ее пить кофе и прогуляться по городу, — и конечно, он не обманул ее ожиданий: помявшись, спросил про обувную мастерскую ее кузена, дескать, не могут ли ему там сшить недорого ковбойские сапоги.

— Я узнаю, — улыбаясь, пообещала Лика.

— Какой красивый блокнот, — заметил он, потрягав серую матерчатую обложку. — Покажи-ка!

— Это от фирмы, где я с папой работала, — не удержалась Лика. — Смотри — карты вон есть, и автомобильный атлас, и даже католический календарь!

— А календарь тебе зачем? — усмехнулся Генрих. — В католички решила податься?

— Да ну тебя, просто интересно, что они там празднуют.

— Умная ты такая, аж страх берет.

— Да уж, — без улыбки подтвердила Лика. — Я просто любопытная.

Хоть бы раз что-нибудь другое сказал.

— В таком блокноте надо писать дневник. Всякие гениальные философские мысли!

— Начала уже, видишь, — усмехнулась Лика, в голове мелькнуло: до чего же он хорошо меня знает.

— Ну что, пойдём? — сказал он, посмотрев счет.

Сразу как будто чуть стемнело, и Лика неохотно поднялась с нагретого кованого стула: практичная мебель города вечных дождей, нас уже не будет, а она переживет все очередные задницы.

— Пошли по старому городу, — пытаюсь замаять неловкость, предложил он, Лика кивнула, и они пошатались полчаса по знакомым до каждой трещинки узким улицам.

Возможно, это была их последняя совместная прогулка, и милый сердцу родной город казался застывшим во времени: вот чудесный старинный домик, где часто снимали кино, а за поворотом — детский сад, в который ходила Лика и из которого нелегально сбегала домой — здесь близко; тесные дворики, пропахшие сыростью, с непременно водопроводным краном — из него хлещет самая холодная и вкусная вода; и везде — попе-

рек улиц, на балконах, между стенами — тросы с бесконечным бельем, надувающимися на ветру крахмальными пододеяльниками и вытянувшимися, как солдатики в строю, носками.

Кто выбирал дорогу — непонятно, дорога сама выбирала их и приглашала пройти по тихой, самой зеленой улице, где постриженные кубами кусты лавра перемежались с густыми кронами китайских роз, индийской сирени, камфарных деревьев, дети играли в футбол на проезжей части, их крики разносились и ударялись прямо в солнечное сплетение — туда, где у Лики жил огромный пылающий шар любви.

Город был как продолжение дома, в нем ничего не могло измениться всерьез. Что может быть лучше, чем поселиться тут вместе и ходить вот так вдвоем, но Генрих уже был нездешний, ему здесь было тесно и мелко, и Лика поникла, готовясь расстаться со своей бедной мечтой.

Иллюзия медленно рассеивалась — Лика отрывала и выбрасывала по большому клоку розовой ваты, оставляя скучную, довольно жесткую правду.

— Я скоро уезжаю, — сказал Генрих, глядя поверх ее головы — уже спешил по другим, более интересным делам. — Ты список пиши, пиши. Может, что-то дельное наберется. Вообще, странно, что ты осталась тут.

— Кто-то же должен, — возразила Лика, а вместе с ним уходили свет и радость, зачем теперь все.

Расстались очень мило, с облегчением, уговорившись созвониться, — после идиотски призем-

ленной просьбы Генриха между ними поселилось недоумение, и его было не перебить никакими списками.

Распрощавшись, Лика пошла одна и подумала, что она уже много лет живет как верблюд: набредет на оазис, наестся и напьется в два горба, а потом экономно тратит накопленное. Интересно, как потом жить, когда он уедет окончательно?

Она пришла домой после прогулки раздвоенная, как Янус: снаружи светилась близким счастьем, а внутри копошились мрачные муравьи — все это неправда и ничего не будет; однако же на восторженный вопрос тети: «Это твой мальчик, да? Какой красивый, мы как вас увидели, так и остолбенели!» — все равно сердце дрогнуло, как будто он ей предложение завтра сделает.

Значит, можно добавлять еще пункты в «Список».

Вы не можете пройти по городу и одного квартала без того, чтобы вас не увидели, не обсудили и не внесли заключение в досье.

Не стоило тете все это говорить — про красивого мальчика и про ладную пару, ох, что сейчас будет. Да еще повторять много раз, как будто по наивности наступая на мозоль своей дочери, звинченно шелкавшей пальцами в кухне.

Снимая туфли, Лика старательно улыбнулась, опять наслаждаясь фальшивым успехом: никакой он не был ее мальчик, а просто пригласил на прогулку, чтобы задобрить, усыпить бдительность и попросить об одолжении.

Но так было сладко представлять, что все — правда!

И возмездие пришло моментально — кухня, не переставая хрустеть пальцами редкой красоты, гордостью семьи и предметом восхищения и зависти, не своим голосом спросила, глядя в упор: ты когда к сестрице своей переедешь? Не достаточно ты тут жила у нас на шее? У тебя есть более близкие родственники, пора им тоже о тебе позаботиться!

Секунда прошла, как нож сквозь масло, а оно вдруг оказалось живым и закровило.

Они все так думают, просто кухня это сказала вслух.

Молодец.

Один честный человек на всю семью.

Лица тут же пошла собирать сумку, а в доме начался ад в миниатюре. Еще и в этом виновата, это из-за меня тетя плачет от неслыханной грубости дочери, и кухня кричит заячьим голосом, и во всем виновата я, только я.

Без дома

Сумку собрать было недолго, но все равно она оказалась тяжеленной, а денег на такси, конечно, не оказалось.

Солнце залило городок по самые крыши, казалось, что улиц в нем нет, а есть одна длинная желтая площадь, которую надо непременно перейти пешком из конца в конец, и солнце тут

же присело на голову, добавив к сумке пуд тяжести.

Лику несла нож, воткнутый прямо в тело, и ничего с ним не делала: притворяться, что не больно, какое-то время не было необходимости.

Это случилось с ней впервые — ее выгнали из дома родные люди, и она идет в дом к другим родным людям, а может, их и дома нет, или у них гости, или они тоже не захотят, чтобы она у них жила.

Больше идти было некуда — к родителям ехать денег нет. Да и как оттуда потом добираться на работу?!

Муравьи торжествующе выстроились колонной, шагая по внутренностям. Зато голова была полна необыкновенной ясности.

Хорошо бы сейчас к морю пойти. Положить сумку, прилечь рядом.

И стать бомжихой.

Может, брошенную лодку найти, перевернуть и устроить под ней гнездышко? Ходить после шторма по гальке и высматривать утонувшие и выброшенные морем драгоценности. Продавать их на «золотой» бирже, тратить на красивую одежду и прослыть городской сумасшедшей.

Тут полно таких. Их знает весь город, их любят, никогда не обижают. Про них рассказывают байки и умиляются. И никогда, никогда не осуждают. Они вне морали и общественного порицания. Какой спрос с сумасшедшего?!

Лику они всегда притягивали и пугали. Папа говорил: «Сумасшедший свободен».

И теперь она поняла, что это правда.

Если вы живете в этом городе, то вы знаете почти всех его сумасшедших.

Сумасшедшие как будто поделили город на сферы влияния.

В центре ходил человек в очках, кедах и спортивном костюме, с синдромом Туретта. Его всегда было слышно издали, он орал громко и очень свирепо, местные жители провожали его взглядами, «биржа» сдержанно усмехалась, но так, чтобы он этого не заметил, а деревенские приезжие шарахались и прятали детей.

Он ругал страшными словами все подряд. Лика жила тогда как раз в центре и очень пугалась, но все-таки слушала и поневоле изучила весь его репертуар.

На улице возле цирка ей иногда попадался рыжий танцующий бородач. Он ходил босиком, внезапно начинал приплясывать и смеяться.

Самый знаменитый ходил в районе базара и детской поликлиники. Он был влюблен в молодую врачиху, являлся к ней под окна кабинета и пел одну и ту же песню о любви. Она распахивала окно, бросала ему печенье и подпевала.

В квартале, где жила Ликина сестра, ходил очень опрятный чернявый парень с кротким лицом. Он катил впереди себя самодельную повозку с автомобильным номером: думал, что это его машина. По-детски имитировал звуки мотора и тормозов, останавливался на светофоре с другими автомобилями, пропускал женщин и детей на «зебре», а сигнал у него был настоящий — ве-

лосипедный. Всегда был одет в свежую белую сорочку и отглаженные штаны цвета молочного шоколада. Его любили, и никто, никто ни разу не сказал ему, что на самом деле никакой машины у него нет.

А Лика будет особенной сумасшедшей — молодой, красиво одетой и живущей на берегу под лодкой. Уже интересно.

Но дело, видите ли, в том, что у всех, у всех этих несчастных, был дом. Кто-то жил в семье, как этот псевдошофер, а кто-то в психушке.

Во всяком случае, под лодкой на берегу точно никто не жил.

И женщин среди них было исчезающе мало.

Буду первой, повеселела Лика.

И вдруг ей пришло в голову, что можно пойти к Миранде.

Она уже прожила у нее как-то целый год, и теперь можно попросить разрешения перекантоваться недельку, пока появится какая-нибудь дельная мысль.

А может, и лодка найдется на берегу. В конце концов, скоро лето.

Как случилось, что я бездомная, думала Лика. Так не бывает в этом городе. Никогда не было. Даже у самого последнего, конченного человека есть родня или, на худой конец, хибарка из фанерок и картона.

В чем я успела так сильно провиниться? Может, права была бабушка, что неоплаченные преступления предков ложатся на ни в чем не повинных потомков, являя миру упрятанные грехи. Что

за людоеды были, в таком случае, мои предки? Но почему именно на меня-то?!

А может, это просто моя личная судьба. Никто не виноват, надо просто продолжать барахтаться.

Вот и подъезд Миранды, знакомый до последней ступеньки: каждая дверь на каждом этаже, узор плитки на полу, разбитые стекла в наружных окнах и лифт в летаргическом сне.

Звонок.

Тишина, шебуршание, мягкие шаги, свет исчез из глазка, грохот цепочки.

— Ой, кто к нам пришел!! Ликуша?!

Вот я и дома.

Нет, не совсем дома. Но об этом я еще успею погоревать.

Дом Миранды

Уже третий час Лика пила кофе и рассказывала Миранде о своих делах. Мирандина хорошенькая дочка Клара сидела между ними, развесив уши, и не собиралась никуда уходить.

— Приютишь меня еще раз, Мира? — на всякий случай спросила Лика, хотя все было понятно без слов.

— Конечно, что ты спрашиваешь! — подпрыгнула Клара. — Ура! Будешь мне уроки делать.

— Живи, — выпустила дым Миранда и поправила очки. — Ты меня выручила, теперь моя очередь. Только давай условимся — с уборкой помогаешь, и продукты покупай иногда.

— Я от мамы буду привозить, — обрадовалась Лика. — У нее там всего полно. Ну что, живем, девочки? Принимайте беспризорницу!

Перед сном, уже разложив свой легкомысленный скарб, Лика вытащила из сумки серый матерчатый блокнот, открыла его и дописала последнее на сегодняшний долгий, пылающий и такой разный день:

Все в этом городе считают себя вправе рассматривать и судить чужую жизнь, но вместе с тем вы можете стать родственниками с совершенно неродными людьми. Такова двойственная природа городка Б.

Спать не хотелось.

Лика покосилась на раскидавшуюся рядом во сне Кларочку и перелистала блокнот назад, к страницам, где писался ее дневник. Когда она получила этот блокнот в подарок от фирмы, будущее еще обещало стать лучезарным.

Розовоглазая рыба

У Лики уже все было продумано.

Она работала в странной конторе, куда папа привел ее сразу после окончания университета. Должность называлась — переводчик и технический секретарь. Тут Лике предстояло осуществить долгий план — уехать в Италию.

